

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Экран и сцена - 1991 - № 15 - с. 16.

В октябре прошлого года солист Татарского академического театра оперы и балета имени М. Джалиля Николай Путилин прослушивался в Лондоне в корпорации Би-би-си. Там собрались около ста импресарио со всего мира. Были представители «Ла Скала», «Гранд-Опера», фирмы «Филиппс». Путилина отметили... Потом он спел несколько концертов в Ирландии, в Дублине и Корке, там залы были полны, и пресса окрестила певца из Казани «бриллиантовым баритоном». В Москве он тоже теперь не чужой — прошли его концерты в Большом зале Московской консерватории, в мае он выступит в этом зале еще раз. Так что самое время брать интервью у Николая Путилина, не ровен час — упрхнется за границу.

ЧАС ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА, или Как купить пианино?

— Николай, ты уезжать не собираешься?

— Почему ты мне такие вопросы провокационные задаешь?

— Ты же сам рассказывал, какой у тебя классный менеджер, ирландец...

— Ну это так... Уехал — приехал. И все.

Путилин появился в Казани шесть лет назад. Вначале он приехал на Шалапинский фестиваль, где его увидел директор театра. Шалапинский фестиваль для певцов — это своеобразная «ярмарка невест», «бал в дворянском собрании»: выгодные предложения получают многие. Путилин должен был участвовать в заключительном концерте. Но неожиданно не смог прилететь один из участников фестиваля, и вместо него — баритон Сыктывкарского музыкального театра Николай Путилин спел партию Эскамильо. Переехав в Казань он вначале отказался. А в родном театре его неожиданно начали «придерживать», не послали даже на стажировку в Италию. И Путилин в соответствии со своим гороскопом (он Бык, рожденный в год Лошади) взбрыкнул. Он так привык: дружить так дружить, любить так любить, работать так работать.

— У меня в Сыктывкаре была трехкомнатная квартира. Приезжаю в Казань, год живу в гостинице, потом жена перебралась, еще год живем там же. Теперь — в служебной квартире театра. А авансы были большие. Если я в день хотя бы час занимаюсь чисто творчеством, это хорошо. Надо деньги зарабатывать, достать что-нибудь пожрать, извини за выражение. «Левые» концерты петь приходится, на спектакли летать в другие города и порой не на те, которые хотелось бы.

— А твоей зарплаты в театре не хватает?

— Ты что!.. Театр меня не кормит, далеко не кормит.

Сейчас пошла такая мода: звезды сцены говорят о том, что живут они как все, потому что ходят по магазинам, там их обвешивают, тут обшаривают, они сами чинят лопнувшие в их квартирах трубы и возят на себе навоз на дачные участки. Этим они как бы приближаются к нам, зрителям. И ведь ничего не придумывают наши кумиры, чистую правду говорят. Только грустно, что существует такая правда в нашей жизни. Потому что она разрушает флер таинственности артиста. А всякую тайну надо оберегать.

— Знаешь, у меня ведь до сих пор нет дома инструмента.

С инструментом у Путилина вышло вот что. Прописка в Казани у него временная, и истекает она, между прочим, в начале лета. С такой пропиской купить в кредит какую-нибудь вещь невозможно. Уплатить же сразу всю сумму — таких денег у него долго не было. Теперь деньги есть, но пусто в магазинах.

— Значит, ты в театре распеваешься и все свои партии там учишь... Кстати, сколько ты их уже спел в Казани?

— Риголетто, Яго, Томский, Елецкий, князь Игорь, Эскамильо... Весь репертуар, который идет.

— То есть ты — премьер?

— Нет такого понятия сейчас в провинции, оно стерто нашей уравниловкой. Я стал замечать, что не отдаю сейчас себя театру, как прежде. Квартира, телефон, прописка — это вроде бы мелочи на фоне творчества. И в то же время — далеко не мелочи. Это лакмусовая бумажка, на которой проявляется то, как ценят тебя, твои творческие успехи. Сейчас у меня конфликт в театре: пока не решат мои квартирные проблемы, я не стану учить новую партию в «Летучем голландце».

— А уровень режиссуры, партнеров — это тебя устраивает?

— Конечно. У нас труппа одна из сильнейших. На Шалапинских фестивалях казанцы часто бывают намного лучше приглашенных певцов.

— Если у тебя, допустим, конфликт в театре, твои партнеры тебя поддерживают? Есть у вас солидарность?

— Ох... Это мои личные дела. Личные. У нас каждый сам по себе. Можно колотиться лбом об стенку, можно даже спеть раз-другой в Большом театре, но тебя никто не заметит, никто о тебе не напишет, потому что ты — никто. То, что мне помогает Дмитрий Хворостовский, — это уникальный слу-

Для того чтобы войти в оперную ту-

совку, многие тратят годы. И для большинства это ничем не кончается. Впрочем, так не только в опере. Путилин одно время поставил на себе крест, решив: что ж, буду всю жизнь петь в Казани. Ни одного знакомого у него нигде не было. Кроме Д. Хворостовского, но последнее время они не виделись. Знаменитый сейчас на весь мир Дмитрий Хворостовский — друг Путилина еще со студенческих лет. Они оба — выпускники Красноярского института искусств, учились у замечательного педагога Т. Иоффе. Два года назад друзья случайно встретились в аэропорту в Киеве. «Коя, что же тебя-то не слышно?» — сразу же спросил Хворостовский. Путилин стал рассказывать о своем житье-бытье. Дмитрий пообещал помочь. И помог. Сам еще молодой певец, он, как никто другой, понимал, что артисту нужен постоянный «творческий допинг» — новые партнеры, новый оркестр, стимул постоянно совершенствоваться. И «желанья славы» тоже не нужно стыдиться, потому что оно — составной элемент профессии.

— Ты в Красноярск приехал после музыкального училища?

— Да, я его закончил в Сыктывкаре. А родился я неподалеку в поселке. Мать воспитывала нас четверых. В десять лет уже козу доил, свиней кормил. Да нормально я жил, нормально. Недалеко от нашего поселка был трубопровод, я залезал в трубу и на коротких пел — резонанс там был... Пел тогда дискантом. Потом вслед за братом поступил в ветеринарный техникум в Сыктывкаре, пошел в самодеятельность.

— И какой у тебя тогда был репертуар?

— Как у Магомаева. Один раз я решил узнать, есть ли у меня все-таки настоящий голос, и пошел к профессиональному педагогу. Спел «Вдоль по Питерской», конечно, «под Магомаева», со всеми «хрипами». И педагог сказал: «Все, молодой человек, в самодеятельность вы больше ходить не будете, я сам стану с вами заниматься». За полгода он распел со мной одну октаву — от си до си. Потом полгода я должен был молчать,

в смысле говорить только шепотом, и еще через полгода мы распели почти полный диапазон. Мне было тогда 18 лет, вскоре я поступил в музыкальное училище.

— А как получилось, что ты чуть было не заменил Леонтьева?

— Валерий Леонтьев работал с ансамблем «Эхо» в Сыктывкарской филармонии. Гремел он там... Потом переехал в Горький. Я в это время победил на одном песенном конкурсе. Сыктывкарская филармония мучилась без солиста, и мне предложили место Валеры. Я согласился распределиться туда после училища, мне было все равно, но я знал, что уеду — очень хотелось получить настоящее образование.

— Если бы ты тогда из Сыктывкарского театра попал на стажировку в Италию, итальянцы поставили бы тебе голос?

— Они не ставят голоса, а только чуть-чуть подправляют их косметически.

— Почему?

— Вот, например, ты знаешь тайну крашения шелка. Объясняешь кому-то, как смешивать краски, в каких пропорциях, но одну маленькую хитрость придержишься. А в ней все дело. Так и итальянцы.

— Как дальше представляется тебе твоя жизнь?

— Работать надо. И «Голландца» тоже, пожалуй, надо учить. Пригодится..

Не надо думать, что в дирекции Казанского оперного театра поселились злодеи, которым доставляет удовольствие, что у ведущего солиста до сих пор нет своей квартиры. Поговоришь с ними — тоже ворох проблем, корень которых — в общем отношении к нашей культуре, как к субстанции второстепенной.

— У Шалапина в книге «Маска и душа» есть эпизод, когда Федор Иванович обратился к Троцкому с просьбой не урезать и без того скудный паек у актеров. «Троцкий четко, буква к букве, ответил: «Неужели вы думаете, товарищ, что я не знаю, что значит, когда не хватает хлеба? Но не могу же я поставить на одну линию солдата, сидящего в траншеях, с балериной, весело улыбающейся и танцующей на сцене?» Шалапин подумал и ступешался.

— Если в ответ на законную просьбу гений ступешался, что же делать нам, простым смертным?

— И все-таки ты не ответил на мой вопрос об отъезде.

— Никуда я не поеду.

— Нет, не совсем, а по контракту, на год-два?

— Ну это другое дело. Там хорошо, но через три-четыре недели такая тоска начинает обуревать. Если знать, что все равно вернешься в Россию, можно выдержать.

Татьяна МАМАЕВА.

● Николай Путилин с сыном Сашей. Фото Михаила Медведева.